

*Все, что здесь описано,
привиделось автору во сне
и правдой никак быть не может.
Редкие же совпадения случаются
в жизни нечасто, но бывают.
Позволим их автору и простим.*

**Аугсбург.
21 декабря 1675 г.**

Первый раз за всю зиму в доме было холодно, погода решила доказать жителям Аугсбурга, что зима должна быть снежной, и покрыла дороги тонким белым покрывалом. Габриэль куталась в меховой жилет, но настроение от холода не портилось. Сегодня ей исполнялось восемь лет, по этому случаю отец готовил большой праздник, а это всегда очень весело и вкусно. Андреас Майер очень любил свою единственную дочь и готов был для нее даже луну с неба достать, если вдруг дочка велит. Вот внизу стукнула дверь — это вернулся с работы отец. В надежде на подарки и поздравления юная Габриэль выскочила из своей комнаты и помчалась ему навстречу. Отец сидел за столом с несвойственным ему каменным лицом.

— Что-то случилось? — спросила именинница в страхе услышать ответ.

— Сядь, — как-то виновато сказал Андреас. — Габриэль, ты уже взрослая, ты должна меня понять, я хочу для тебя лишь блага. Мы всего лишь фрайхлерры, да, мы зажиточны, даже богаты, но лишь «вольные господа», ты же у меня достойна большего. Ты знаешь, сегодня тебе исполняется восемь, а это значит, что ты уже можешь обручиться с выбранным женихом. Мне хочется дать тебе все, только титул я тебе дать не могу. Сегодня ты обручишься с графом Питером фон Кафенбургом, и через шесть лет, когда тебе исполнится четырнадцать, вы обвенчаетесь и ты станешь графиней.

— А подарки сегодня будут? — наивно спросила Габриэль, искренне не понимая, почему отец так расстроен.

— Конечно, так ты согласна? — видно было, что у Андреаса Майера отлегло от сердца, он очень сильно любил свое чадо, и, возмутись она сейчас, он не смог бы ей перечить. Андреас понимал, что граф — старый сорокапятилетний вдовец, но этот брак был очень необходим обеим семьям. Габриэль приобретала титул, а поистратившийся граф — хорошее приданое. Но не это было главной причиной для графа Питера фон Кафенбурга, он хотел избираться в ратманы, а недавно был принят закон о том, что холостой и даже вдовец не имеет права быть членом магистрата.

— Конечно, папа. — Для маленькой Габриэль шесть лет — это была целая жизнь, а портить день рождения совсем не хотелось.

— Ты моя умница, — отец погладил дочь по красивым русым локонам и достал из кармана шкатулку. — Тогда ты должна сегодня сделать подарок своему жениху, такова традиция. Смотри, это новинка, называется «запонки», крепятся они вместо завязок на рукава рубашки, только богатые и знатные мужчины могут себе это позволить. Я отдал за них сегодня сто пятьдесят гульденов. Остальные вопросы мы обговорим с графом без тебя.

Габриэль увидела в шкатулке два мудреных украшения, они были абсолютно одинаковы, с одной их стороны была золотая пластина без всяких излишеств, а вот с другой она была сделана как распустившийся цветок, в середине которого находилась большая черная жемчужина в окружении россыпи бриллиантов. Две такие неодинаковые половины соединяла небольшая золотая цепочка.

— Хорошо, папочка, — ответила Габриэль и нетерпеливо добавила: — А мне подарки будут?

Шкатулка с подарком для жениха утонула в кармане ее платья, более не удостоившись внимания именинницы.

За десять дней до Нового года

У Марии Ивановны Денисовой, почетного офисного работника, кончились силы. Она всегда считала себя сильной, и когда кто-то смел ее жалеть, Маня, смеясь в лицо, говорила:

— Глупости, я самая счастливая, и у меня все хорошо. — Ну, во-первых, так рекомендовала делать ее любимая писательница Наталья Правдина, защитница и помощница всех несчастных женщин, а во-вторых, она не любила, когда ее жалеют, это категорически не сочеталось с ее воспитанием в духе леди.

С самого детства ее воспитывали с мыслью, что леди не имеет морального права показывать, что у нее какие-либо неприятности, для окружающих у леди всегда все хорошо. Улыбаться при любых обстоятельствах, а если слезы все-таки предательски потекли из глаз, есть два объяснения: смех или соринка. Леди всегда сохраняет собственное достоинство и уважение к окружающим.

Но только что случилось страшное, только что начальство вызвало Марию Ивановну и сообщило ей новость, от которой она не смогла сдержаться и расплакалась прямо в кабинете начальства, — ее увольняют. Не дают даже отработать, как положено, две не-

дели, а если она будет сопротивляться, грозил увольнять по статье. Был бы человек, как говорится, а статья найдется.

И вот сейчас, за десять дней до Нового года, она вспомнила все беды, что нанесла ей жизнь, все свои несчастья. Ей сорок лет, она не замужем и никогда скорее всего уже не будет, у нее нет детей, и это самое большое ее личное горе. Еще она до сих пор живет с родителями, ну, это, скорее, из-за того, что Маня до жути боится спать одна в квартире, но все-таки факт. Апогеем же ее невезучести стало увольнение с работы просто потому, что кризис, просто потому, что ее не жалко, а то, что она отдала этой фирме свои лучшие девятнадцать лет жизни, никого уже не волновало.

— Маш, не плачь, — к столу, за которым Мария обливала слезами свое невезение, подошла ее коллега Лариса. Они последние два года делили один кабинет и, как казалось самой Марии, даже немного дружили. Лариса, худая, с заостренными чертами лица, узкими губами, маленькими глазами и длинным острым носом, выглядела несколько отталкивающе. Она была моложе Мани на пять лет, но в свои тридцать пять имела двоих детей, мужа и совершенно не имела принципов.

— Ну, представь, если бы уволили меня? — продолжала утешать Лариса. — У меня двое

детей, и муж — козел, который работает за десять тысяч и шевелиться больше не хочет, и свекровь больная, которую я, как факел, тащу индивидуально. А ты одна, никто на шее не сидит, живешь с родителями, тебе легче, найдешь работу даже лучше, чем этот клоповник.

Утешение, конечно, было так себе. «То ли Лариса-крыса не умеет утешать, то ли намеренно колет меня по больному», — подумала про себя Маша. Склоняясь к последнему, она решила, что хватит радовать коллег своим горем, пора успокаиваться, необходимо срочно вспомнить, что она леди. Маня встала, достала большой пакет для мусора и начала скидывать туда свои вещи, за девятнадцать лет работы в одном кабинете их накопилось очень много.

— Да, одним пакетом не обойтись, — это Маша сказала больше себе, чем Лариске, которая моментально потеряла к ней интерес, будто и не собирались они еще полчаса назад вместе идти обедать, и достала второй. Врагам оставлять ничего не хотелось, поэтому в пакет летело все — стикеры, дыроколы, даже лейки для цветов, все это она покупала сама и поэтому имела стопроцентное право.

Мария Ивановна, а для близких Маня, для родителей же Манюня, была средняя. Ну, вся

такая никакая. Если вы спросите у ее коллег и знакомых, как выглядит Мария Денисова, они скажут: «Ну... — Потом будет минутная пауза и окончательный вывод: — Никак». Среднего роста, среднего телосложения, русые волосы подстрижены в стиле каре, даже глаза подвели — они были никакие, то ли карие, но очень светлые, то ли зеленые, но темные, в общем, болото болотом. Так было всегда, даже начальство, которое менялось два раза в год, очень долго не могло запомнить среднестатистического работника с таким банальным сочетанием имени и отчества.

Кое-как натянув на себя дубленку, которая в этом году как-то уж очень туго надевалась на хозяйку, Маня, чтобы не расплакаться, думала только об этом. «Села, наверное, вот ведь предательница, лучше бы шапка поступила так», — размышляла она, протаскивая мешки к лестнице. Шапка в отличие от дубленки, наоборот, растянулась и постоянно сползала на глаза, жутко раздражая этим и без того расстроенную хозяйку.

— Держитесь, ребята, нам только до машины добраться — и мы дома, — Маша разговаривала с мешками, это ее немного пугало. «Но, возможно, это выход, — думала она, — сойду спокойненько с ума — и мир сразу станет прекрасен». Неопытная, еще и безработ-

ная, она пыталась находить во всем позитив, вспоминая всю информацию, какую имела на этот счет. Руки были заняты неудобными пакетами, дамская сумочка, которая выглядела как маленький баул, сползла с плеча и повисла на локте, отчего пакеты пришлось поднять. Унести вещи частями — такой вариант Маня отмела сразу, ей не хотелось радовать коллег своим зареванным лицом, плюс ко всему еще вчерашняя приятельница Лариска уже уверенно располагалась за ее столом, а ведь это стол начальника отдела. Естественно, ее это покорило, но Маня даже не хотела об этом думать, поэтому просто заблокировала информацию до лучших времен, когда она без слез сможет рассуждать на эту тему.

Именно поэтому было принято осознанное решение уйти сразу со всеми вещами — как говорится, уходя — уходи. Каждая ступенька давалась с трудом, но один пролет лестницы был пройден, а значит, это успех. Рано обрадовавшись, Маня занесла ногу на следующую ступеньку и полетела вниз, шапка-предательница в самый неудобный момент закрыла глаза, и унижения данного дня продолжились.

«Будь что будет», — подумала Маня и смирилась на мгновение с происходящим. Пока летела по лестнице, было больно и обидно, она разными частями тела ударялась то о ступени,

то о перила, но приземление, как ни странно, было мягким и комфортным. Манюне было страшно даже посмотреть, что за матрац смягчил ее удар. Когда же спаситель заговорил, все встало на свои места, она узнала голос главбуха, очень полного и пожилого человека.

— Мария Ивановна, я имею вам что сказать: не нужно так нервничать и убиваться за то, что вас таки уволили, за это вам точно не заплатят.

— Роберт Моисеевич, я случайно, простите меня, — начала оправдываться перед главным бухгалтером Марья.

— Я послушаю все ваши за, если вы освободите мое тело от ваших прелестей, — перебил ее главбух.

Марья стянула шапку-предательницу с головы и кое-как приняла вертикальное положение. Бедный Роберт Моисеевич Кац лежал на полу и никак не мог подняться — мешали пузо и возраст, его папки тоже были разбросаны по полу. Манюне стало стыдно, очень стыдно, как она еще не убила этого бедного мужчину?

Еле сдерживая слезы, она подала руку, помогая встать главбуху. Охая и постанывая, он указывал ей на папки, которые при неожиданном нападении Мани Роберт Моисеевич не смог удержать в руках. Свою ношу она

тоже не удержала, и, когда осмотрела холл первого этажа, куда так неосторожно приземлилась в обнимку с бухгалтером, ее охватил ужас. Вокруг валялось все содержимое ее прощальных пакетов. И сейчас, в разбросанном состоянии, все, что было нажито непосильным девятнадцатилетним трудом, производило впечатление мусора.

— Поднимите мне мои труды и даже не просите старого еврея вам помогать, ни мое достоинство, ни вес не позволят мне наклониться. — Роберт Моисеевич был человек тучный и не любил, да что там, просто презирал физические упражнения.

— Что вы, я сама, вы меня извините, как говорилось в одной старой рекламе, это был не день Бекхэма. Так вот, сегодня однозначно не мой день. Я только вчера вышла из отпуска, а сегодня меня уволили. — Маня, сначала собрав бумаги господина Каца, теперь не глядя сбрасывала все в свои пакеты, комом и не разбирая, все усилия бросив на то, чтобы не расплакаться. В пластиковых лейках, судя по всему, оставалось немного воды, когда Маня бросала их в пакет, теперь от этого блокноты и другая бумага стали мокрыми.

«А может, это от моих слез», — немного поэтически подумала Маня. Раньше, в детстве и в бурной молодости, Манюня писала стихи,

много стихов — они были лирические, наивные и ранили душу. Подруги просили почитать их на посиделках, а потом, вздыхая и вытирая слезы, хвалили ее творчество. Постепенно подруги исчезали из ее жизни, выходя замуж и обзаводясь детьми, а стихи становились все хуже и злее. Год назад последняя подруга, услышав от нее, что не осталось свободных нормальных мужиков, попыталась ее вразумить: «Правда? Все хорошие и неженатые мужчины были выслежены и убиты? А мой Ваня, которого я встретила всего полгода назад, — это единственный выживший в геноциде хороших парней? Ты придумала себе оправдание и живешь, упиваясь этой трусливой мыслью». Тогда Маня на нее обиделась, а вместе с последней подругой исчезло желание писать стихи. Зачем нужны стихи, когда некому их читать? Блокнот был заброшен, и даже мысль о стихах приносила душевную боль.

— Если позволите, Кац может дать вам совет, бесплатно, денег не надо, — увидев слезы на ее лице и, видимо, пожалев Маню, сказал Роберт Моисеевич. — Мы, евреи, говорим так: если проблему можно решить за деньги, это не проблема — это расходы. Вы сейчас думаете, что все закончилось, ни о боже мой, на самом деле вы только просну-

